

СЕКРЕТЫ ПОЛИШИНЕЛЯ: БАЛАНС КРЕСТЬЯНСКОЙ РЕФОРМЫ

OPEN SECRETS: THE EMANCIPATION REFORM BALANCE

A. Kirillov

Annotation

The Emancipation reform of 1861 brought losses to all of its participants: the gentry, the peasants, the state. The noblemen lost their "christened property", the peasants appeared bound with long-term mortgage, the state treasury had to credit the redemption operation. Thus, the reform may not be called plunder of the peasants but should instead be treated as an act taking into account interests of all the sides involved.

Keywords: Emancipation of serfs at Russia, peasants' allotments, redemption payments.

Аннотация

Крестьянская реформа 1861 г. принесла потери всем её участникам: дворянам, крестьянам, государству. Дворяне потеряли "крещённую собственность", крестьяне оказались связаны долгосрочной ипотекой, казне пришлось кредитовать выкупную операцию. Следовательно, реформа 1861 г. должна быть оценена не как ограбление крестьян, а как действие, учитывающее интересы всех заинтересованных сторон.

Ключевые слова:

отмена крепостного права, крестьянская реформа 1861 г., отрезки, выкупные платежи.

Грабительская реформа.

"Грабительская по отношению к крестьянам" – даже в солидном университетском учебнике так обязательно назовут реформу 19 февраля 1861 года. В самом деле: лучшие земли отданы помещикам в виде "отрезков"; даже за эти куцые наделы крестьяне должны платить; плата определяется исходя не из рыночной стоимости, а из цены крепостнических повинностей; к тому же в итоге надо выплатить даже не эту сумму, а втрое большую; наконец, в течение 9 лет от всего этого никак нельзя отказаться, а выкупные платежи придётся платить не только детям, но и внукам. Ясно, что помещичье государство безбожно обобрало крестьян. Таков пафос учебника, таков набор хрестоматийных фактов крестьянской реформы.

Таков же и ответ, который ученики в классе единодушно выдают на вопрос о том, кто выиграл и кто проиграл от крестьянской реформы. Крестьяне – проиграли; помещики – выиграли. Пережитки сохранились.

Коль скоро возникает вопрос о пережитках, которые сохранились по вине правительства, возникает необходимость разобраться с ошибками реформаторов. Что было сделано не так? Поставьте себя на место Александра II – человека, который может своей волей изменить условия реформы. Что следовало бы сделать иначе, если исходить из того, что мы не собираемся делать революцию, не считаем возможным сохранять существующее положение, и притом стремимся учесть интересы всех групп общества?

Этот вопрос заставляет учеников задуматься и вызы-

вает ответы вовсе не единодушные. Запретить помещикам делать отрезки? Отдать крестьянам их наделы бесплатно? За счёт помещиков, за счёт государства? Предоставить крестьянам беспроцентный кредит из госбюджета? Освободить вообще без земли, чтобы крестьяне шли на фабрики развивать капитализм?

Когда начинаем предметно разбираться с этими предложениями, выясняется неочевидность некоторых слишком привычных положений крестьянской реформы. Первое из таких положений – необходимость освобождения крестьян с землёй. Известно, что идеологи реформы увязывали вопрос о земле с вопросом о "язве пролетариата", которая угрожает поразить обезземеленное крестьянство. Но было и другое существенное обстоятельство.

Земля, оплаченная кровью.

Выясняется, что у дворян было не только юридическое право на свою землю, но и моральное. Это удачно выразил не кто иной, как Николай I. Уже в 1840-х годах он задумывался об отмене крепостного права: "Я не понимаю, каким образом человек сделался вещью, и не могу себе объяснить этого шага иначе, как хитростью, обманом с одной стороны и невежеством – с другой". Но: "Земли принадлежат нам, дворянам, по праву, потому что мы приобрели [их] нашу кровью, пролитою за государство" [цит. по: 1, с. 92, 94–95].

Получается, что даже дворяне, искренне уверенные в необходимости отмены крепостного права, могли быть столь же искренне уверены в справедливости сохране-

ния земель за помещиками.

Я не пытаюсь доказать, что кровь, пролитая дворянами на полях сражений, даёт им больше прав на землю, чем крестьянам – пролитый ими пот. Это – из области оценок. Для начала разберёмся с фактами. Один из фактов таков: в среде дворян имелось представление о том, что они как служилые люди (или как потомки тех, кто служил) имеют полное моральное право на ту землю, которой они владеют.

Неслучайно первая программа освобождения крестьян, предложенная со стороны Александра II губернским дворянским комитетом, опиралась на безземельное освобождение. Землю освобождённым крестьянам "для обеспечения их быта и для выполнения их обязанностей перед правительством и помещиком" [цит. по: 2, с. 84] предполагалось оставить, но – только в пользование (и конечно, за арендную плату). Собственность на эту землю закреплялась за помещиками. Единственное, что предполагалось передать крестьянам – это их "усадебная оседлость": пяточки земли под домами и огородами. Размеры выкупа за "усадебную оседлость" составляли один из основных вопросов для обсуждения в губернских комитетах.

Обсуждать же освобождение крестьян с землёй не было разрешено: этот вопрос так же не включался в программу работы комитетов, как не включался в неё вопрос о том, надо ли вообще освобождать крестьян – это было предрешено высшей властью. И только усилиями либерального общества – благодаря статьям Константина Кавелина, благодаря выступлениям Алексея Унковского (а может быть, и благодаря тревожным сообщениям III Отделения о настроениях крестьян) – на повестку дня в 1858 году встало освобождение крестьян вместе с наделенной землёй. Царское указание на эту тему было получено в октябре 1858 г., к началу декабря Главный комитет по крестьянскому вопросу разработал на этой основе официальную программу.

Теперь стало ясно, что помещикам придётся отдать часть земли крестьянам – всем помещикам, даже самым знатным и заслуженным, даже если они этого не хотят. Хрестоматийно известное преобладание (по итогам реформы) отрезков над прирезками показывает, что в большинстве своём помещики отдавать наделы не хотели даже за большие деньги*. К отдаче земель, находившихся в пользовании крестьян, царь дворян принудил против их воли.

* Строгий разбор причин появления отрезков, произведённый П.А. Зайончковским, показывает, что кроме нежелания помещиков расставаться с землёй, имело место и нежелание крестьян получать полный надел. В некоторых случаях крестьяне сами настаивали на выдаче им четвертного, дарственного, надела. Но какова доля таких отрезков в масштабе всей страны, и как часто такое требование крестьян расходилось с желанием помещиков – неясно. При общей оценке реформы сам Зайончковский рассматривает отрезки как явление, выгодное помещикам (см.: 2, с. 234 и далее).

Подчеркну, что я не предлагаю выводить отсюда оценку крестьянской реформы как грабительской по отношению к помещикам и выгодной для крестьян. Я просто не веду речь об оценках. Оценки пусть останутся на долю самостоятельной работы учеников. Но взвешенная оценка невозможна без учёта всех существенных фактов.

Душа как материальное явление.

Итак, первый существенный факт – то, что частью дворян (стоило бы даже сказать – большей частью) необходимость продать часть земли крестьянам воспринималась как ущемление исконных прав.

Более того: само освобождение крестьян, к тому же бесплатное – тоже потеря! Благодаря Н.В. Гоголю все твёрдо знают, что даже за мёртвую "душу" можно было хотя бы пару-тройку рублей получить. Положим, сюжет "Мёртвых душ" – выдумка, но всё-таки крепостных крестьян можно было продавать отдельно от земли, будь то всем семейством или по отдельности. Каждый крестьянин для его владельца – это по крайней мере десятки рублей наличных денег, которые можно получить от его продажи. Иногда – на порядок, на два порядка больше. Фабрикант Савва Морозов выкупился на волю в 1820-х годах за 16 тыс. руб., несколько десятков предпринимателей из крепостных графа Шереметева заплатили за свободу более 1 млн. руб. Тысячи рублей платили за выкуп крепостного художника или поэта. В случае бесплатного освобождения крестьян эти суммы составляли прямой убыток помещика.

В том, что бесплатное освобождение крестьян вовсе не было очевидным, легко убедиться, обратившись к запискам двух отнюдь не консерваторов, а людей даже пострадавших из-за либерализма, выказанного ими при

подготовке реформы. Константин Кавелин и Алексей Унковский в собственных проектах крестьянской реформы предлагали в расчёт выкупа включать не только землю, но и души. Обоснование сходное: "Ценность всякого населенного имения <...> заключается не в одной земле, но и в людях <...> тем более что в некоторых местностях земля без людей не имеет никакой ценности".

Отсутствие в проектах дворянских губернских комитетов выкупа за личность крестьянина – следствие исключительно того, что правительство (т.е. царь) изначально, начиная с рескрипта Назимову, вывело этот вопрос из круга обсуждения, подразумевая бесплатное дарование личной свободы.

Итак, бесплатное освобождение крестьян, одно из основных положений реформы, вовсе не было очевидным для всех современников. Чтобы ввести в программу реформы это условие, вновь потребовалась высочайшая воля царя, идущего наперекор "своим верным слугам".

Государева казна: в долгах,
как в шелках.

Как видим, дворяне тоже вышли из реформы 1861 года не без потерь. Прямолинейное утверждение "помещики выиграли, крестьяне проиграли" уже придётся усложнять. Но ведь кроме этих двух участников реформы 19 февраля, есть и третий – государство. Последовательно ли поступило государство, взяв с крестьян втрое больше того, что выплатило помещикам? Само участие государства в воплощении реформы – это посредничество в решении острого противоречия между крестьянами и помещиками. Государство действует как сила, стоящая "над схваткой", чтобы достигнуть общественного успокоения. Это похвально. Но зачем же в таком случае обдирать крестьян? Если уж государство взялось делать реформу, то, кажется, надо было бы или вовсе бесплатно отдать землю крестьянам (из казны оплатив её цену помещикам), или, по крайней мере, ограничить взыскание долга с крестьян суммой, которую от государства получили помещики.

Чтобы оценить выполнимость этих пожеланий, рассмотрим состояние государственного кошелька. На него существенно повлияла Крымская война. Результаты войны потребовали перевооружать армию и создавать заново флот. Артиллерия – самый передовой и дорогостоящий вид военной техники середины XIX века; флот – плавающая артиллерия: не только пушки, но ещё и пароходы. После Крымской войны перед Россией стояла задача срочно создавать самую дорогостоящую отрасль вооружённых сил – помимо покрытия всех тех расходов, на которые и раньше без остатка расходились бюджетные деньги.

После войны пришлось разбираться и с долгами, в которые влезло правительство за военные годы. Ежегод-

ный дефицит бюджета в 1853–1856 годах составлял от 48 до 255 млн руб. (а всего – более 600 млн) – притом что доходы государства ни в один из этих годов не превышали 362 млн руб. Дефицит покрывали с помощью внешних займов (100 млн), займов из государственных кредитных учреждений (175 млн) и выпуска бумажных денег (425 млн) (З, с. 62–63). По долгам приходилось платить проценты и погашение. Одновременно с министра финансов требовали восстановить курс бумажного рубля, упавший по причине затыкания бюджетных дыр свежоотпечатанными ассигнациями. Только недавно (в 1840-х годах) восстановленный после долгого перерыва "свободный размен" ассигнаций на золотые и серебряные рубли из-за войны вновь пришлось прекратить. Рубль ассигнационный вновь стоил на деле меньше, чем рубль серебряный, и это воспринималось российскими правителями как тёмное пятно на репутации Российской империи. Но для восстановления "свободного размена" нужны дополнительные запасы золота и серебра, которые надо накапливать, обездвиживая часть бюджетных поступлений.

Вот в такое-то время перед разработчиками реформы и встала необходимость найти способ выплатить из казны сумму, заведомо большую, чем весь годовой бюджет России.

Павел Киселёв, главный реформатор предыдущего

царствования, к этому времени был уже отставлен и доживал бюрократический век послом в Париже, но царь всё-таки советовался с ним. Летом 1857 года, ознакомившись с проектами "приготовительной комиссии" Секретного комитета, Киселёв отвечал царю следующее. Освобождать крестьян без земли нельзя, потому что пролетарии опасны для государства, а освобождать с землёй (при казённой компенсации помещикам) – невозможно, потому что такой огромной суммы в казне нет. За всем этим делался вывод, что "возбуждать вопрос о даровании полной свободы не следует" (цит. по: 2, с. 77). Проблема выкупа земли в глазах Киселёва выглядела столь значительной, что побуждала его вообще отказаться от реформы!

Правда, не все выкупные акты были подписаны одновременно, не в один год пришлось платить и государству. Но на 1860-е годы пришлось основная нагрузка по выкупной операции (к концу десятилетия перешли на выкуп 2/3 бывших крепостных). Правда и то, что часть долга перед помещиками была погашена казной за счёт долгов помещиков казённым банкам (под залог поместий). Накануне реформы этот долг составлял 425 млн руб., но дворяне добились права перевести 315 млн на земли, передаваемые крестьянам; к погашению за счёт дворян осталось 110 млн руб. . Был устроен взаимозачёт, вынимать эту сумму из казны не потребовалось. Но она не составляла и шестой части того, что требовалось уплатить.

С учётом всех оговорок в считанные годы требовалось выплатить из казны порядка 650 млн руб. – сумму, далеко превышающую годовой бюджет и заведомо неподъёмную для наличной расплаты. Поэтому львиную часть выкупной суммы помещики получили из казны выкупными обязательствами со сроками оплаты в 5, 10 и больше лет. За каждый год ожидания владелец выкупного обязательства получал дополнительно 5 % его нарицательной цены – так же, как получал свой дивиденд владелец облигации или банковского вклада.

Получается, что выкупные обязательства – это своеобразный кредит, принудительно взятый государством у

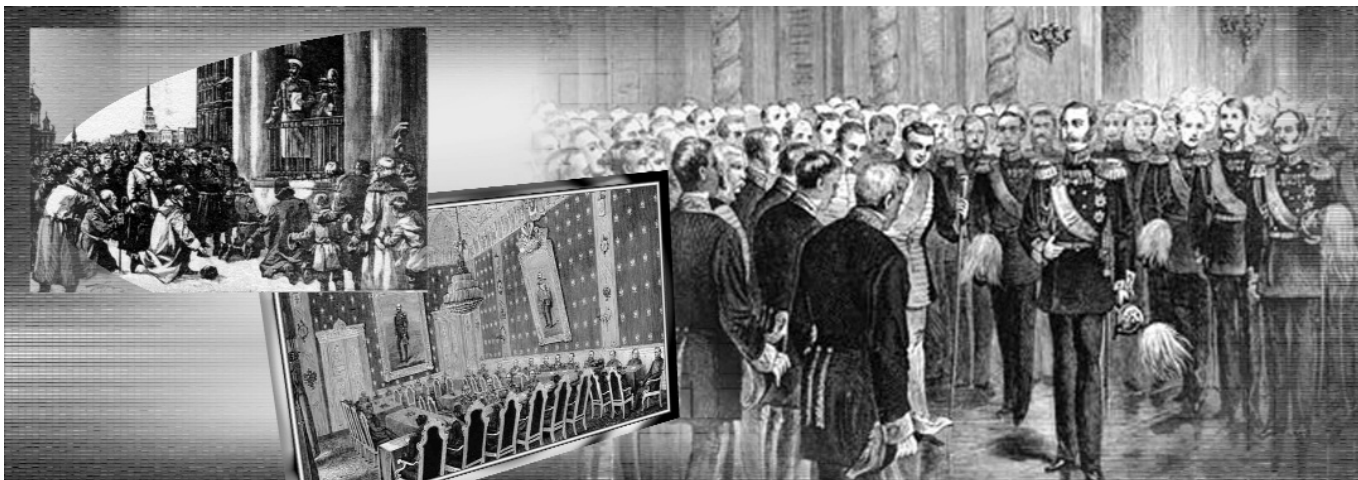
помещиков на погашение долга самим же помещикам. Это было невыгодно дворянам, которые ещё до реформы высказывали желание получить всю сумму разом, чтобы провести необходимую по новым условиям перестройку хозяйства. Это было невыгодно и государству, которому приходилось ежегодно платить за пользование этим кредитом. Выкупная операция стала для государственной казны столь тяжким бременем, что её оказалось невозможно провести без финансовых ухищрений, потерь и ограничений.

Можно рассчитывать, что изложенное лишает почвы предположения о возможности подарить землю крестьянам за счёт государства. Но почему государство собрало с крестьян втрое больше, чем заплатило само?

Выкупные платежи: не налог, а ипотека.

Напомню механизм выкупных платежей: после определения крестьянином и помещиком (при участии мирового посредника) цены выкупа государство выплачивало помещику 75–80 % этой суммы (остальное крестьяне платили или отработывали напрямую помещику). А затем в течение 49 лет с крестьян равными частями взыскивалась втрое большая сумма. Например, стоимость выкупаемой земли по выкупному акту установлена в 1250 рублей, из них 250 помещику платят (или отработывают) сами крестьяне, а 1000 помещику платит государство. В течение следующих 49 лет крестьяне обязаны государству выплатить почти 3000 руб. Тысячу – за землю. А остальные две тысячи за что? Ответ прост: за кредит.

Если бы государство ограничилось взысканием исходной тысячи, получился бы беспроцентный кредит. Это всегда убыток для того, кто его даёт. Беспроцентный кредит на 50 лет – огромный убыток: за этот срок на тысячу рублей, положенную в банк, можно было бы получить (по ставкам второй половины XIX века) 2500 рублей процентов, даже если не причислять проценты к капиталу, а продать их.

Общее место публицистов XIX века, советских историков и даже некоторых современных авторов – утверждение о том, что выкупные платежи являются по сути налогом (см., например: 5, с. 178–179 и др). Между тем, что такое налог? Регулярный платёж гражданина государству, в обмен на который гражданин не получает какого-либо определённого товара (услуги) и который, таким образом, является взносом на поддержание государства.

Что такое выкупные платежи? Это точно определённый по сумме и по сроку платёж в уплату за точно определённый участок земли, поступающий в собственность плательщика. Размер выкупных платежей точно увязан с той суммой, которую государство изначально выплатило вместо той или иной общины. Как только выплачен последний платёж, обязательства по этой статье прекращаются, а земля у общины остаётся.

По всем этим условиям, налицо ипотечный кредит, хорошо известный в капиталистической России. Начиная с "великих реформ", в России сложилась целая система ипотечных учреждений. Даже если брать только частный (не государственный) кредит под залог только сельских земель (оставляя в стороне городские здания), ипотекой занималось не менее десятка акционерных земельных банков. Они выдавали кредиты на срок до 61 года. Погашение долга (с учётом процентов за пользование кредитом) производилось одинаковыми по сумме платежами. Ежегодно приходилось платить примерно от 5 до 6,5 % суммы, взятой в долг. Таким образом, за полвека заёмщики земельных банков выплачивали сумму, примерно втрое превышающую исходную сумму, что как раз и соответствует условиям выкупной операции.

Дополнительно надо учесть то, что в акционерном банке ссуда выдавалась не наличными деньгами, а закладными листами, которые, чтобы получить деньги, ещё надо было продать на бирже (самостоятельно либо через банк, с уплатой комиссионных). Обычно закладные листы ценились на 5–10 % дешевле номинала, и эти 5–10 % составляли убыток получателя ссуды, увеличивая её действительную стоимость.

Стремясь к большей простоте и определённости операций, Крестьянский банк выдавал свои ссуды наличными деньгами. Его ставка составляла 7,5–8,5 % годовых, и операции банка успешно развивались безо всякого принуждения.

В целом несомненно, что выкупные платежи – это платежи по ипотечному кредиту, выданному крестьянам на условиях, вполне соответствующих рыночным. Надо только учесть, что сам кредитный рынок в начале 1860-х годов ещё очень неразвит; если бы Госбанк не взял эту роль на себя, кредитовать выкупную операцию было бы некому.

То, что изложено выше, не содержит научных открытий. Всё это – факты, "широко известные в узких кругах". Но они расширяют возможности оценки крестьянской реформы на обычном школьном занятии. Уяснив их, можно переходить и к обсуждению всего замысла реформы, к вопросу о справедливости и несправедливости, правильности и неправильности; о том, удалось ли воплотить пожелание Модеста Корфа: избежать таких мер, которые "доставляя выгоды одной стороне, обращались бы прямо или косвенно к отягощению другой".

ЛИТЕРАТУРА

1. Джаншиев Г.А. Эпоха великих реформ. Т. 1. М.: Территория будущего, 2008. 496 с.
2. Зайончковский П.А. Отмена крепостного права в России. М.: Просвещение, 1968. 368 с.
3. Русский рубль. Два века истории. XIX – XX вв. М.: Прогресс-Академия, 1994. 336 с.
4. Проскурякова Н.А. Земельные банки Российской империи. М.: РОССПЭН, 2002. 520 с.
5. Захаров В.Н., Петров Ю.А., Шацкило М.К. История налогов в России. IX – начало XX в. М.: РОССПЭН, 2006. 296 с.

© А.К. Кириллов, (alkir.nsk@gmail.com), Журнал «Современная наука: Актуальные проблемы теории и практики»

